

Галина Михайловна ЗАБОЛОТНАЯ¹
Вильдан Шайхулаевич ЯКУПОВ²

УДК 316.48

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: ПРИРОДА И ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

¹ доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государства и права,
Тюменский государственный университет
Zab-galina@yandex.ru

² магистрант направления «Государственное и муниципальное управление»,
Институт государства и права,
Тюменский государственный университет
gengiskhan92@mail.ru

Аннотация

Распространение фундаментализма в современном обществе и угрозы, которые порождают его экстремистские религиозные формы, актуализируют проблему изучения сущности и форм проявления этого социального феномена. Авторы статьи концентрируют внимание на анализе основных методологических подходов, которые используются для объяснения причин его распространенности в современном мире, а также выявлении факторов, формирующих риски его активизации в российском обществе. Прослеживается связь фундаментализма с традиционализмом и представлениями о социальной справедливости. Используя метод вторичного анализа результатов социологических опросов, авторы в работе показывают место традиции и социальной справедливости в системе ценностных ориентаций россиян.

Исходными теоретическими положениями для понимания сущности фундаментализма авторами принятые его трактовки в рамках культурологического подхода. Фундаментализм понимается как мировоззренческая реакция на социальные изменения индустриальной и постиндустриальной эпохи на процессы глобализации,

---

Цитирование: Заболотная Г. М. Фундаментализм: природа и проявления в современном обществе / Г. М. Заболотная, В. Ш. Якупов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 2. С. 44–58.
DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-44-58

размывающие культурные идентичности. Согласно антропологическому подходу, фундаментализм порождается природой человека и отражает потребность в сохранении привычных форм жизнедеятельности. В статье показана необходимость исследования современного фундаментализма в контексте конструктивистского и инструменталистского подходов. Соответственно, активизацию радикальных конфессиональных форм фундаментализма можно понимать как продукт «социальной инженерии» — распространения символов и новаций, преподносимых в форме традиции, а также сознательного манипулирования религиозными чувствами и противоречиями повседневной жизни человека. Авторы придерживаются мнения, что связь фундаментализма с социально-культурной традицией существенно видоизменилась, стала нестабильной и противоречивой.

Обращаясь к российскому обществу, авторы указывают, что питательной почвой фундаментализма являются издержки рыночной и политической модернизации, порождающие новые виды социальных неравенств. Отмечено, что чувствительность части россиян к фундаменталистским идеям есть реакция на мировоззренческий и ценностный вакуум. Актуальны риски, связанные с использованием радикальным фундаментализмом новых информационных технологий для влияния на потенциальных сторонников и формирования экстремистских сообществ. Авторами делается вывод, что сомнения части граждан в справедливости и эффективности развития российского общества могут порождать спрос на альтернативные общественные проекты.

В заключение предлагается исследовать фундаментализм в контексте разных методологических подходов и с учетом влияния на индивидуальное и массовое сознание социально-экономических, культурных и политических факторов.

Ключевые слова

Фундаментализм, религиозный фундаментализм, исламский фундаментализм, традиция, «сотворенная традиция», традиционализм, антимодернизм, модернизация, социальная справедливость.

DOI: [10.21684/2411-7897-2016-2-2-44-58](https://doi.org/10.21684/2411-7897-2016-2-2-44-58)

Фундаментализм (прежде всего религиозный) на протяжении нескольких десятилетий остается актуальным объектом научных исследований и внимания со стороны политиков, практиков-управленцев и представителей конфессий. В контексте современных глобальных угроз, которые несет современный экстремизм, прикрывающийся исламскими идеями и символами, эта проблема приобрела особую злободневность.

Термин «фундаментализм», зародившийся в рамках религиозного дискурса, в настоящее время используется для обозначения ряда явлений религиозного, мировоззренческого, идеологического, поведенческого и политического характера. Как социальное явление, он имеет глубокие исторические корни и проявляется в различных формах. Например, исследователи выделяют марксистские,

либеральные, рыночные, разные националистические и религиозные формы фундаментализма и даже гендерный фундаментализм и экофундаментализм. Общим для всех его форм является протест против модернизации образа жизни, разрушения традиционных норм и культурных ценностей, поддерживающих социальный порядок.

Появление термина «фундаментализм» относят к началу XX века, когда его начали употреблять в отношении протестантского движения в США, образованного ортодоксальными евангелистами [12:119]. Целью движения была борьба за буквальное понимание текста Священного Писания в качестве основы христианского вероучения и сопротивление попыткам аллегорического и рационального толкования Библии. Программа этого движения включала требование возвращения к основам (фундаменту) христианского вероучения, критику ряда научных достижений и рационализма, размытия нравственных ценностей. Позже термин «фундаментализм» закрепился для обозначения религиозной ортодоксальности и консерватизма.

Процессы, происходившие в мусульманском мире XX в., определили повышенный исследовательский интерес к исламскому фундаментализму и свойственной ему политической составляющей. Именно с исламом ряд зарубежных ученых связывает распространение и активизацию фундаментализма в современном мире, указывая на присущие самой религиозной доктрине отдельные элементы идеологического, нормативного и исторического характера, облегчающие принятие фундаменталистских ценностей. Например, по мнению Г. Маранчи, таковыми являются единство светских и духовных начал, неприятие секулярных ценностей «без ущерба для своих убеждений», тотальное всесторонне подчинение сфер жизни религиозному осмыслению, необходимость религиозной легитимации власти [21:376].

Вместе с тем ошибочно полагать, что фундаментализм — явление ограниченное только религиозными рамками, как и то, что оно относительно «молодо». Выступая реакцией людей на какие-либо изменения привычных основ жизнедеятельности, на социокультурную трансформацию, провозглашая идею сохранения первоначальных (традиционных) основ социальной организации, фундаментализм свойственен для разных исторических эпох и типов обществ. В этом плане можно согласиться с мнением, что стремление к возрождению есть «универсальная социальная тенденция» [6:72]. Конечно, наиболее яркие примеры проектов возвращения к первоначальным (как правило, идеализированным) истокам и традициям демонстрируют религиозные течения как прошлого, так и настоящего. В исламе одним из таковых стало течение салафийя, лидеры которого призывали ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «праведных предков» и одновременно отрицали позднейшие нововведения, начиная с методов символико-аллегорического толкования Корана и заканчивая новациями, привнесенными в мусульманский мир Западом [10:204]. Одними из основоположников этого течения были Шамсуддин аль-Макдиси и Такиуддин ибн Таймия (XIII–XIV вв.). Позже учениями ибн

Тайимии был вдохновлен основатель первого саудовского государства Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (XVIII в.). Именно эти представители «раннего фундаментализма» стали основоположниками «прототипа» активистской модели исламского политического поведения [11:71], в которой идея возвращения ислама к первозданной чистоте сочетается с особым активизмом, выраженным в воинственности, джихаде, готовности к самопожертвованию во имя ислама.

В качестве другого примера можно привести христианские антиклерикальные движения Западной и Восточной Европы периода Средневековья (катары, богоимины, гуситы и др.), требовавших пересмотра устоявшихся католических традиций толкования Священных Писаний, упразднения церковной иерархии, а также настаивавших на воплощении характерного для христианского вероучения принципа равенства всех людей. Важное место в этом процессе принадлежало церковной Реформации. Следует отметить, что в Европе движение «возврата к основам» не ограничивалось религиозной формой. Например, такими идеями «был всецело проникнут Ренессанс со знаменитым кличем гуманистов “Ad fontes!” — буквально: назад, к основам» [7]. Этот лозунг стал центральным в философских и культурных течениях этого периода. Он представлял собою призыв обращения к классическим текстам, в том числе и Библии, с целью поиска идей и практик, которые легли бы в основу возрождения цивилизации.

В чем причины распространения фундаментализма в современных обществах? Наиболее часто его трактуют как реакцию на культурные и в целом социальные изменения. Например, американские исследователи 1920-х гг. представляли фундаментализм как противостояние сельской культуры городской, обыденных и религиозных представлений о мире и человеке научными. Примером выступает знаменитое дело «Штат Теннесси против Джона Томаса Скупса», более известное как «обезьяний процесс». В 1925 г. руководство этого южного штата США подало в суд на школьного учителя за то, что он нарушил Акт Батлера, согласно которому «будет нарушением закона, если любой преподаватель любого университета или школы, содержащихся полностью или частично за счет штата, будет преподавать любую теорию, отрицающую историю Божественного Творения человека, как тому учит Библия, и вместо этого преподавать, что человек произошел от низших животных» [2]. Из исследований американских обществоведов следовал вывод, что фундаментализм есть рождение индустриального общества, в частности таких его проявлений, как повышение уровня образования, развитие науки, урбанизации, а также «культурного разрыва» сельского и городского населения.

Анализируя разные проявления фундаментализма в современном обществе, исследователи указывают на такую его универсальную особенность как анти-модернизм. Так, авторы статьи «Фундаментализм VS фундаментализм: научные и обыденные представления», обобщая получивший распространение в академической науке взгляд на понятие «фундаментализм», констатируют, что оно содержало в себе «отрицание программы „современность“ и, как следствие, — попытки отказа от демифологизации религии, возвращения к традициям»

[12:114]. Иными словами, источник фундаментализма следует искать в столкновении традиционных, архаичных обществ с реалиями современного общественного развития, и как проявление негативной реакции на эрозию привычных форм жизнедеятельности, на утверждение рационализма и индивидуализма. Состояние общественной и личной аномии, связанное с разрушением социальных связей и солидарностей в рамках традиционных групп (родственных и соседских общин), а так же смысловых ориентиров, непринятие новых ценностей и издержек рыночных отношений выступают благоприятной средой, питающей традиционализм и фундаментализм. Примером того, к каким политическим последствиям приводит конфликт традиционных ценностей и ценностей светской и рыночной модернизации, продемонстрировала Исламская революция в Иране (1979 г.), определившая на долгие годы вектор развития этой страны. Это было именно тем случаем, когда религиозная традиция оказалась сильнее светской новации.

Современные исследователи акцентируют внимание на разных факторах, определяющих распространение фундаментализма в современном обществе. Одни исследователи видят причину этого в смене цивилизационных матриц при переходе к современному типу обществ. В частности, фундаментализм XIX–начала XX в. стал мировоззренческой реакцией на распад аграрных обществ и капиталистическую модернизацию со всеми ее издержками со стороны тех, кто не сумел адаптироваться к новым реалиям и был выброшен на социальную периферию. Современный фундаментализм — на принципы постиндустриального общества. Как пишет П. Гуревич, фундаментализм есть вынужденное приспособление к реалиям индустриализма и постиндустриализма с характерными для них суперпроизводством и супердинамикой, с возросшей динамикой экономических и социальных изменений. «Когда это приспособление оказывается мучительным, заявляет о себе фундаменталистская установка, зовущая к неким первоначалам жизни» — делает вывод исследователь [5:154].

Культурологический подход объясняет фундаментализм через конфликт ценностей, столкновения новых и старых социальных ориентиров. Традиции выступают как фильтрующие или отражающие барьеры для новаций. Чем агрессивнее разрушается привычный мир человека, тем больше появляется условий для выражения традиционной ортодоксии как противодействия социальному разрушению.

В рамках культурологического подхода современную фундаменталистскую активность можно понимать и как ответ на глобализацию. Фундаментализм трактуется как противостояние унификации образа жизни, обезличиванию культуры, насаждаемым цивилизационным матрицам западного мира, претендующим на универсальность для всего человечества. Известный английский социолог Э. Гидденс, например, определяет фундаментализм именно как феномен «глобального века», как протест против принципа космополитизма [3]. В этом современный фундаментализм содержательно отличается от того, что сформировался на рубеже XIX–XX вв.

А. Иванов предлагает рассматривать проблему фундаментализма в рамках концепции общества риска [8:94]. Взгляд на современное общество как общество, в котором постоянно воспроизводятся риски, был предложен немецким социологом У. Беком и развит Э. Гидденсом. По мнению российского социолога О. Яницкого, наряду с производством материальных и духовных ценностей производство рисков также стало социальным производством [20:21–44]. Это риски, вызванные экономическими кризисами, социальным неравенством, угрозы войны и терроризма. Формы реакции людей на риски также могут быть различными. Одна из них — обращение к традициям. Ориентация на привычное, устоявшееся призвано «снять» непредсказуемость как настоящего, так и будущего, удовлетворив тем самым потребность индивида в онтологической безопасности. Не случайно, что ряд исследователей видят в фундаментализме проявление антропологических закономерностей [5; 17:74]. Как пишет П. Гуревич, самой человеческой природе свойственны, с одной стороны, желание уберечь «корни и истоки», а с другой, — «придать миру затейливость, многообразие, сложность» и культурное созидание [5:155]. Поскольку социальные и культурные изменения неизбежны, можно сделать вывод, что фундаментализм — это не только феномены прошлого и настоящего, но и будущего.

Представляется продуктивным рассмотрение феномена фундаментализма в рамках конструктивистского подхода, который, в частности, является одним из популярных методологических объяснений формирования наций и роста национализма. Например, для известного представителя этого направления английского историка Эрика Хобсбаума, нация есть «изобретенная традиция», результат тщательно продуманной и постоянно обновляемой практики «социальной инженерии». Фундаментализм так же может рассматриваться как плод целенаправленного создания и распространения символов и значений, преподносимых как «возрождение традиций».

В рамках подобного объяснения связь фундаментализма с традиционализмом не является столь очевидной, как и его оппозиционность по отношению к социальным инновациям. Как подметил Э. Паин, в современной жизни в качестве традиции может восприниматься не аутентичная трансляция прошлого опыта, а его интерпретация. Наконец, под традицией может скрываться инновация. В качестве примера он приводит молодежный русский национализм и православный фундаментализм, которые являются проявлением типичного молодежного бунтарства и протестной инновацией, принявшей форму традиционализма [15:10]. Апелляция к традиции должна придать легитимность инновационному поведению. Э. Паин приводит и другой пример «изобретенной традиции» — салафизм, который в последнее время получил распространение в регионах России, исторически связанных с исламом.

В целом же воинственный исламский фундаментализм, позиционирующий себя с «чистым» исламом есть отрицание исламской традиции. При этом более традиционен для мусульманских народов России ислам, ценности которого

не препятствуют интегрированности в российское общество, способствуют мирному сосуществованию с другими этно-конфессиональными группами.

Конструктивистский подход сочетается с инструменталистской трактовкой фундаментализма. Причины распространения фундаментализма можно видеть в использовании в определенных, и прежде всего в политических, целях психологических комплексов, религиозных чувств, групповой солидарность единомышленников и активизма. При этом сами идеи и политическая мобилизация приверженцев выступают для лидеров инструментом в борьбе за власть, контроль над экономическими ресурсами. Не случайно в отдельных фундаменталистских движениях трудно разделить религиозные и политические аспекты. Как замечает И. В. Кудряшова, фундаментализм — не просто поддержание существовавшей традиции, а идеологический конструкт и политическая платформа [11:74]. И в первую очередь это относится к исламскому фундаментализму — самой политизированной версии религиозного фундаментализма.

В объяснении причин активизации современного исламского радикализма распространена и геополитическая трактовка. Радикальный исламизм трактуется как форма политического самоопределения народов, протестующих против сохраняющегося разрыва «богатым Севером» и «бедным Югом», против иерархично выстроенных международных отношений, против вестернизации мусульманского мира.

Рекрутирование сторонников так называемого «Исламского государства» (запрещенной в России и других странах террористической организации) из числа граждан России и западных стран, в том числе и тех, чей опыт социализации изначально не был связан с мусульманской культурой, есть в определенной степени и результат сознательного манипулирования противоречиями, с которыми сталкивается обычный человек в повседневной жизни, а так же лозунгами справедливости и равенства. Но и эту причину распространения фундаментализма следует рассматривать с учетом всех приведенных выше объяснений. Чувствительность какой-то части россиян к фундаменталистским идеям есть реакция на мировоззренческий и ценностный вакuum, издержки российского варианта рыночной и политической модернизации, возрастания объема социальных рисков.

Следует также учитывать и сложность процесса трансформации массового сознания, что не может не сказываться на отношении к социальным изменениям. Так, сотрудники Института социологии РАН, опираясь на результаты исследования динамики ценностных и мировоззренческих установок россиян, проведенного в 2014 г., сделали вывод о наличии в современной России двух субкультур, отличающихся формами социальной адаптации к действительности. Это активный тип с доминированием модернистских ценностных ориентаций (инициативность, предпримчивость, готовность к переменам в жизни) и инертный тип, характеризующийся традиционалистскими ценностями и ориентацией на устойчивость. Численность респондентов, демонстрирующих разные типы социальной адаптации, практически, совпала (соответственно 40% и 37%).

Кроме того, 23% опрошенных были отнесены к смешанному типу адаптации [14:54]. Сравнение полученных результатов с результатами аналогичных исследований, проведенных в предыдущие годы, позволяют выявить тенденцию (хотя и не устойчивую, что, видимо, объясняется влиянием ситуативных факторов) к возрастанию доли людей с активным типом адаптации к изменениям. Так, в 2006 г. доля респондентов, которым нравились перемены и жизнь в меняющемся обществе, составляла 42%, в 2010–2011 г. — 58%, 2014 г. — 52%. Количество россиян, которые, напротив, негативно оценивали изменения, считая, что «все перемены к худшему», а «жизнь должна оставаться такой же, как и прежде», хотя и уменьшилось, но все же остается значительным. В 2006 г. таковых было 58%, в 2010–2011 гг. — 42%, и в 2014 — 48%.

Нельзя не согласиться с мнением С. В. Мареевой, что разнообразие моделей адаптационных стратегий играет положительную роль в обществе: «В любом обществе крайне важны и активно ориентированные группы, и те, кто склонен к более спокойной и традиционной модели самореализации, а значит, необходимы баланс, определенная система сдержек экспансии сугубо рациональных установок и мотиваций инициативных групп, с одной стороны, и избыточного влияния конформистского мировосприятия — с другой» [14:55]. Примечательно, что и в массовом сознании россиян так же присутствует представление о том, что отказ от культурных традиций может быть губителен для общества. Как показывают результаты исследования 2014 г., количество респондентов, согласных с мнением, что «главное — это уважение сложившихся обычаяев и традиций», больше тех, кого С. В. Марева отнесла группе «традиционистов» (инертный тип социальной адаптации). Эту позицию выбрали 44% опрошенных. Кроме того, значительная часть участников опроса из числа двух групп (40% «традиционистов» и 31% «модернистов») связали будущее России с возвращением к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем. Другой проблемой, сближающей все группы россиян, не зависимо от моделей адаптации к изменениям, является отношение к вопросу о социальной справедливости. Так, на справедливость как желаемое будущее страны, указала половина «традиционистов» (53%) и почти третья «модернистов» (31%) [14:60–61].

Актуализированность в сознании россиян вопроса социальной справедливости фиксируется и другими социологами. Согласно исследованиям Е. А. Ирсетской и О. В. Китайцевой, 65% опрошенных россиян хотят жить в государстве, где в первую очередь соблюдается справедливость, гарантируются равные права для всех [9:27]. Наши соотечественники напрямую увязывают достижение личных целей с утверждением этих принципов в общественной жизни. Запрос россиян на социальную справедливость объясняется наличием высокого уровня малообеспеченных групп населения, увеличивающимся разрывом в доходах между богатыми и бедными, появлением новых видов неравенства, отчуждением одной части общества от проблем другой, низким уровнем правовой и социальной защищенности рядовых граждан. Исследования, проведенные

в последние годы, свидетельствуют, что доля людей, часто или иногда ощущающих несправедливость происходящего в обществе, является высокой (86%), и фактически совпадает с результатами аналогичных исследований середины 1990-х гг. [9:25; 4:16].

Справедливость, фиксируя в себе представление о должном, выступает нормативной идеей, которую религиозные, политические, социальные течения, а так же непосредственно рядовые граждане могут наполнять разным содержанием. Это может быть уважение человека, равенство жизненных шансов, равное распределение между группами общества последствий экономических кризисов, соблюдение всех прав человека и др. Но чаще всего россияне ассоциируют справедливость с общественным механизмом, позволяющим оценить человека по заслугам, и с поддержкой нуждающихся. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, проведенным в 2015 г., россияне, хотя и не ориентируются на уравнительность, но все же оценивают как несправедливое существующее распределение доходов и благ (77%). Они объясняют эту ситуацию прежде всего неоправданно завышенными доходами отдельных людей (40%). Говоря о причинах бедности, опрошенные отметили следующие факторы: недостаточная помощь государства семьям (69%); отсутствие возможности для выросших в бедных семьях воспользоваться таким социальным лифтом как хорошее образование (67%); лень отдельных людей (74%) [1].

Хотя социальная справедливость занимает высокое место в системе ценностных ориентаций населения, ряд социологов скромно оценивают ее мобилизационный потенциал, считая, что запрос на справедливость скорее он обращен к власти и остается мечтой, а не ресурсом индивидуальной и коллективной активности [16; 18:22]. В то же время масштаб распространенности негативных оценок социальной действительности не может оставаться незамеченным властью. Неуверенность в оправданности сложившейся модели общественного устройства может породить спрос на альтернативные «картины» справедливого устройства мира. Фундаментализм пытается найти эту модель в прошлом, в мифологических и религиозных системах. Принципам современного общества — индивидуализму и автономности личности — он противопоставляет традиционные конструкции коллективности и единства.

Опасно недооценивать мобилизационный потенциал фундаменталистских проектов, ориентированных на умы российских мусульман. По некоторым оценкам, количество мусульман в нашей стране с учетом мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья составляют 20 млн. человек [13:35]. В республиках Северного Кавказа люди, исповедующие ислам, составляют доминирующую конфессиональную общность. При этом присущая этим народам тяга к традиционным основам жизни, самоуправлению и общине определяют болезненное восприятие ряда явлений культурного, экономического и социального характера. Например, исследователи, занимающие проблемами противодействия радикальному исламу, указывают следующие проблемы, наблюдавшиеся в жизни

народов Северного Кавказа: высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи; противоречие между принципами частной собственности и «этнической собственности», дающей преференции членам этнической группы в доступе к властным и имущественным ресурсам; недостаточная эффективность управленческих и судебных систем; «излишнее администрирование общественных отношений и гражданского процесса»; проблемы с соблюдением прав человека; дисфункциональность светских регуляторов общественной жизни; «конкуренция юрисдикций» и «признание того или иного религиозного авторитета единственно легитимным» [19:44–46]. Очевидно также влияние еще одного обстоятельства (хотя и не являющегося доминирующим в объяснении роста религиозных фундаменталистских настроений): на рубеже 80–90-х гг. XX в. наша страна, взявшая курс на реализацию свободы совести, этно-конфессионального возрождения, не смогла выстроить систему фильтров, препятствующих трансферту из-вне тоталитарных и экстремистских религиозных течений. Что же касается современной ситуации, то актуальна проблема минимизации рисков, связанных с активным использованием исламским фундаментализмом новых информационных технологий, позволяющих осуществлять дистанционное влияние на потенциальных сторонников и формировать экспериментальные радикальные сообщества: Интернета, социальных сетей, «электронных муфтиев» и другое.

Проанализировав разные подходы к объяснению фундаментализма можно сделать следующие выводы:

- среди исследователей нет единого мнения относительно причин распространения фундаментализма в современном мире. Но это обстоятельство только подчеркивает сложность и многоаспектность данного явления. Фундаментализм следует исследовать в контексте разных методологических подходов и с учетом социально-экономических, культурных, политических и психологических факторов;
- фундаментализм, развиваясь, приобретает новые черты, при этом связь с традицией становится более сложной. Отказываясь в публичном дискурсе от новаций, фундаментализм, в то же время, под традицию может маскировать новые социальные практики, отрицающие укорененные нормы (например, отрицание двухтысячелетней традиции христианским фундаментализмом или традиционного ислама салафитскими радикалами), либо вполне pragматические секулярные цели, связанные с доступом к власти и экономическим ресурсам;
- контрмодернистскому заряду фундаментализма присущи модернистские черты [11:75]. Так, исламский фундаментализм трансформировался в религиозную идеологию с включением отдельных рациональных элементов и пытается воспользоваться в политических целях «плодами» демократизации современных обществ (например, правом на создание собственных партий и объединений, участием в парламентских и президентских выборах.) и технологической модернизации

- (использование современных коммуникационных средств для расширения своего влияния);
- на фоне политизации фундаментализма, свойственное ему недоверие к культурным различиям приобретает более дихотомичный и конфликтный характер;
  - под понятием «фундаментализм» объединяются разные мировоззренческие позиции, выражающие протест против размывания культурной (религиозной) идентичности народов. На одном полюсе находится радикальный, воинственный фундаментализм, представляющий главную угрозу XXI в., на другом — социальные проекты, порожденные издержками современного экономического, культурного, социального развития и предлагающие утопические картины справедливого устройства общественной модели на основе традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатые и бедные — вчера и сегодня: пресс-выпуск ВЦИОМ № 2878 от 13.07.2015.
URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>
2. Воронов Д. Белые пятна эволюции / Д. Воронов // Вокруг Света.
URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/aleksejev.htm>
3. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность? / Э. Гидденс // Отечественные записки. 2003. № 1 (9).
URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost>
4. Горшков М. К. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. / М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2010. 256 с.
5. Гуревич П. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации / П. Гуревич // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 154–162.
URL: http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf
6. Дорошин И. Структурные характеристики фундаментализма в рисогененной реальности / И. Дорошин // Власть. 2011. № 10. С. 71–74.
7. Земляной С. Теория абсолютности. Современный фундаментализм — что это такое? / С. Земляной // Политический журнал. 2005. № 20.
URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=105&tek=3625&dirid=67>
8. Иванов А. Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска / А. Иванов // Власть. 2012. № 11. С. 92–96.
9. Ирсетская Е. А. Социальная справедливость как платформа реализации жизненных устремлений россиян / Е. А. Ирсетская, О. В. Китайцева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 19–31.
10. Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Милославского, Ю. А. Петросяна. М.: «Наука», 1991. 812 с.
11. Кудряшова И. В. Фундаментализм в пространстве современного мира / И. В. Кудряшова // Полис. 2002. № 1. С. 66–77.

12. Кузнецова О. В. Фундаментализм VS фундаментализм: научные и обыденные представления / О. В. Кузнецова, Н. С. Смолина, В. В. Маренинова // Грамота. 2014. № 12. С. 119–124. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/25.html>
13. Малашенко А. В. Ислам для России / А. В. Малашенко. М.: РОССПЭН, 2007. 192 с.
14. Мареева С. В. Ценностная палитра современного российского общества / С. В. Мареева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №4. С. 50–65.
15. Паин Э. А. Исторический фатализм в эпоху безвременья / Э. А. Паин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2013. № 2. С. 7–19.
16. Петухов В. В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1. С. 6–23.
17. Романовская Е. Фундаментализм и традиция / Е. Романовская // Власть. 2012. № 12. С. 73–76.
18. Руденкин В. Н. Проблема справедливости в современном российском обществе / В. Н. Руденкин // Вопросы управления. 2014. № 1 (26). С. 117–126.
URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2014/01/16/?print>
19. Угроза ИГИЛ: пути противодействия национально-религиозному экстремизму: сборник информационно-аналитических материалов / под ред. А. С. Брова, И. И. Алиева, М. А. Аствацатуровой, С. М. Маркедонова. М.: Московское бюро по правам человека, 2016. 160 с.
20. Яницкий О. Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество: монография / под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 21–44.
21. Marranci G. 9/11, Islam and Fundamentalism / G. Marranci // The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion. 2010. Pp. 375–377.

Galina M. ZABOLOTNAYA¹
Vildan Sh. YAKUPOV²

FUNDAMENTALISM: ITS NATURE AND MANIFESTATION IN MODERN SOCIETY

¹ Dr. Sci. (Sociol.), Professor of State and Municipal Department,
Tyumen State University
Zab-galina@yandex.ru

² Master's Degree Student of "State and Municipal Management",
Tyumen State University
gengiskhan92@mail.ru

Abstract

The spread of fundamentalism in the modern society and the risks that generate its extremist religious forms emphasize the problem of identifying the essence and the ways of its manifestation as a social phenomenon. The authors of this article concentrate on the main methodological approaches used for the research and reasoning of its worldwide spreading in the modern world as well as for the exploration of factors leading to religious extremism activating in Russia. The connection of fundamentalism with traditionalism and ideas of social justice are analyzed. On the basis of the opinion polls' secondary analysis the role of traditions and social justice of the Russians value orientations is shown.

The starting concept used by the authors for the treatment of the fundamentalism's essence is cultural approach. Within cultural perspective fundamentalism is explained as a reaction to the social changes of the industrial and post-industrial era, as well as the reaction to the processes of globalization that erode cultural identity. According to the anthropological approach, fundamentalism is explained by the essence of human nature and the need to preserve the usual forms of human life. The authors argue the critical role of explaining fundamentalism within constructivist and instrumentalist approaches. Respectively, the activation of radical religious forms of fundamentalism is considered as a product of "social engineering": the spread of mythological symbols, innovations in disguise of traditions, the manipulation by religious feelings and contradictions arising in everyday life. The authors' position is that the connection of fundamentalism with social and cultural traditions has dramatically changed and became unstable and contradictory.

Citation: Zabolotnaya G. M., Yakupov V. Sh. 2016. "Fundamentalism: Its Nature and Manifestation in Modern Society." Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 2, no 2, pp. 44–58. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-44-58

Within the Russian perspective the authors argue that the costs of market and political modernization, generating new forms of social inequalities, stimulate fundamentalism. It is pointed out that sensitivity of some members of Russia's society to the ideas of fundamentalism is a reaction to the lack of ideology and well-structured value orientations. The usage of new information technologies by radical fundamentalists with the view to influence their prospective members and to form extremist groups lead to the emergence of new risks for Russia. It is stressed that the doubt of some Russian citizens in the justice and efficiency of the current model of the Russia society development may lead to the demand for alternative public projects.

It is proposed that fundamentalism should be examined on the basis of different methodological approaches and with the view to social, economic, cultural, political, and psychological factors' influence on both individual and mass consciousness.

Keywords

Fundamentalism, religious fundamentalism, Islamic fundamentalism, tradition, "invented tradition", traditionalism, anti-modernism, modernization, social justice.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-2-44-58

REFERENCES

1. Broda A. S., Aliyev I. I., Astvatsaturova M. A., Markedonov S. M. (eds). 2016. *Ugroza IGIL: puti protivodeystviya natsionalno-religioznomu ekstremizmu: sbornik informatsionno-analiticheskikh materialov* [The Threat of ISIS: the Ways to Oppose the National and Religious Extremism: the Collection of Informational and Analytical Materials]. Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka.
2. Doroshin I. 2011. "Strukturnye harakteristiki fundamentalizma v riskogennoy realnosti" [Structural Characteristics of Fundamentalism in Risk-Taking Reality]. Power, no 10, pp. 71–74.
3. Giddens E. 2003. "Chto zavtra: fundamentalizm ili solidarnost?" [What Will Come Tomorrow: Fundamentalism or Solidarity?]. Otechestvennye zapiski, no 1 (9). <http://www.strana-oz.ru/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost>
4. Gorshkov M. K. 2010. "Sotsialnye faktory konsolidatsii rossiyskogo obschestva: sotsiologicheskoe izmerenie" [The Social Factors of Consolidation of Russian Society: the Sociological Dimension]. Moscow: Noviy khronograf.
5. Gurevich P. 1995. "Fundamentalizm i modernizm kak kulturnye orientatsii" [Fundamentalism and Modernism as a Cultural Orientation]. Obschestvennye nauki i sovremennost, no 4, pp. 154–162. http://ecsocman.hse.ru/data/790/112/1218/018G_urevich.pdf
6. Irsetskaya Ye. A., Kitaytseva O. V. 2015. "Sotsialnaya spravedlivost kak platforma realizatsii zhiznennykh ustremleniy rossiyan" [Social Justice as a Platform for the Implementation of the Russians' Life Aspirations]. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, no 6, pp. 19–31.
7. Ivanov A. 2012. "Ideologicheskiy i politicheskiy diskurs religioznogo fundamentalizma v obschestve risika" [The Ideological and Political Discourse of the Religious Fundamentalism in a Risk Society]. Power, no 11, pp. 92–96.

-
8. Kudryashova I. V. 2002. “Fundamentalizm v prostranstve sovremennoogo mira” [Fundamentalism within the Space of the Modern World]. Polis, no 1, pp. 66–77.
  9. Kuznetsova O. V., Smolina N. S., Mareninova V. V. 2014. “Fundamentalizm VS fundamentalizm: nauchnyye i obydennyye predstavleniya” [Fundamentalism vs Fundamentalism: Scientific and Everyday Conceptions]. Gramota, no 12, pp. 119–124. <http://www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/25.html>
  10. Malashenko A. V. 2007. Islam dlya Rossii [Islam for Russia]. Moscow: ROSSPEN.
  11. Mareyeva S. V. 2015. “Tsennostnaya palitra sovremennoogo rossiyskogo obshchestva” [The Values of the Modern Russian Society]. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, no 4, pp. 50–65.
  12. Marranci G. 2010. “9/11, Islam and Fundamentalism.” The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion, pp. 375–377.
  13. Miloslavsky G. V., Petrosyan Yu. A. (eds). 1991. Islam. Entsiklopedicheskiy slovar. [Islam. Encyclopedic Dictionary] Moscow: “Nauka.”
  14. Pain E. A. 2013. “Istoricheskiy fatalizm v epohu bezvremeniya” [Historical Fatalism in the Era of Stagnation]. The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions, no 2, pp. 7–19.
  15. Petuhov V. V. 2011. “Tsennostnaya palitra sovremennoogo rossiyskogo obshestva: ‘ideologicheskaya kasha’ ili poisk novyih smyislov?” [The Values of the Modern Russian Society: the Ideological Mess or Search for New Meanings?]. The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, no 1, pp. 6–23.
  16. Romanovskaya Ye. 2012. “Fundamentalizm i traditsiya” [Fundamentalism and Tradition]. Power, no 12, pp. 73–76.
  17. Rudenkin V. N. 2014. “Problema spravedlivosti v sovremennom rossiyskom obshchestve” [The Problem of Justice in the Modern Russian Society]. Management Issues, no 1 (26), pp. 117–126. <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2014/01/16/?print>
  18. Russian Public Opinion Research Center. “Bogatyie i bednyie – vchera i segodnya: press-vyipusk VTsIOM. No 2878 ot 13.07.2015” [The Rich and the Poor Yesterday and Today: VTsIOM Press Release no 2878 from July 13, 2015]. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317>
  19. Voronov D. “Belyie pyatna evolyutsii” [The White Spots of Evolution]. Vokrug Sveta. <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/aleksejev.htm>
  20. Yanitskiy O. N. 2001. “Rossiya kak ‘obschestvo riska’: konturyi teorii” [Russia as a “Risk society”: the Theory of Circuits]. In: Yadov V. A. (ed.). Rossiya: transformiruyuschesya obschestvo: monografiya [Russia: Transforming Society: Monograph], pp. 21–44. Moscow: “KANON-press-C”.
  21. Zemlyanoy S. 2005. “Teoriya absolyutnosti. Sovremennyiy fundamentalizm — chto eto takoe?” [The Theory of Absoluteness. Modern Fundamentalism — What Is It?]. Politicheskiy zhurnal, no 20. <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=105&tek=3625&dirid=67>